

ПОЭЗИЯ

И сней — как чистая страница

*Талина
Булатова*

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения в гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя Настя с дядей Гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
Ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропой
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: город Горький
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

Симбирск

Сим-сим, откройся!
Ларцом Владимирского сада
с его златоволосой нимфой
в неспешном шелесте фонтана.

Води мостами, как смычками,
звучи виолончелью Волги!
Вчера ли в кружеве ранетка
с тобой стояла под Венцом?

Катись, свияжское колечко,
тори причудливое русло,
вдевай — мостам на удивленье —
фату тончайших облаков.

Весь день бродить по разноцветным
половичкам сплетённых улиц,
ах, загляжусь — коньки резные
летят под дугами крылец!

Симбирск, откройся!
Щеколдой двери деревянной,
ключом, оброненным Маришкой,
скользнувшим в лоно подземелья...

И честной карамзинской музой,
и русской мыслью Гончарова,
и одному тебе присущей
мемориальностью имён.

Но сколько света и надежды
у птицы Спасо-Вознесенья,
у пьющих небо голубое
золотоклювых куполов!

* * *

Сосенка, схваченная оградкой,
и беломраморная берёзка, –
теперь всё это в твоём владении, папа – как раз к юбилею...
Случайно ли весть о книге пришла в день твоего ухода?
Спи спокойно, Иван – крестьянский сын.
Топор и лопата, молоток и пила,
скальпель и гиря, жигуль и лодка –
всё пело в твоих руках.
Слушаю дождь за окном...
А помнишь, в восьмидесятом,
нашу палатку у Чёрного моря чуть не смыло дождями?..
Я помню все твои присказки, они – половина моего языка.
Спи спокойно, Иван-царевич,
кудрявая голова,
васнецовское сердце,
вятская кровь...

Чистополь

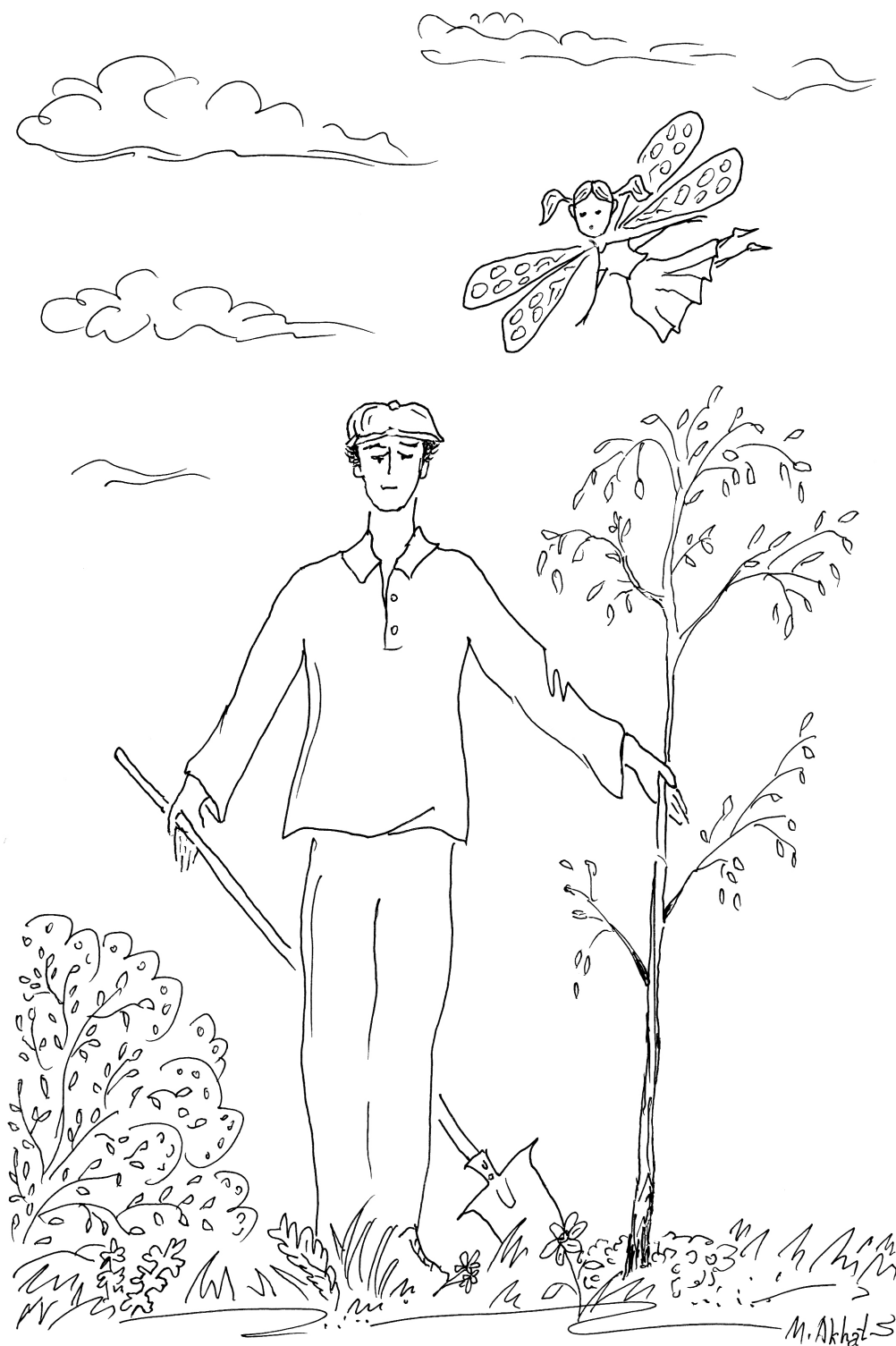
В этих мальвах – отголоски
Колоколен давних пор.
Но опять собор Никольский
Водит с Камой разговор.

Друг за дружкой ходят скверы
Вдоль купеческих домов.
От тюрьмы, считай, до веры –
Три слезы и пять шагов.

Красный дом. Диванчик узкий.
И – торжественность перил.
Здесь Шекспир на чистом русском
При свече заговорил.

Здесь восток шлифует время,
А оно – твои слова.
Всё до буковки в поэме
Перемелют жернова.

День бросается листками
И рябиною дождит.
Пастернак не отпускает,
Возвращайся, говорит.

Сызрань

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнава...
Деревянное кружево крыш...
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь –

Человечишко перед вершинами –
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где бывшее, как вина, хранят.

Сызрань – сызнава... Бросит украдкою
В Крымзу солнце – сверкают круги –
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречье, как пальцы руки.

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнава
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызная,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами деревца
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

* * *

Когда столичный самолёт
Махнёт Курумочу рукою,
И мы начнём обратный ход,
И будет с неба лить рекою.

Межгалактическая дочь
Опять в дорогу чистит перья.
И будет нас ловить всю ночь
Радар за левым подреберьем.

И нам останется – судьба –
К исходу сумеречной гонки
Заправить сердца полный бак
У въезда на бензоколонке.

* * *

Ей сказали, что у неё –
светлые стихи.
Значит ли это, что теперь
к ней следует обращаться
«Ваша светлость»?

* * *

Душу сподобишься вывихнуть –
В стон превращается песнь.
Выдержать, милая, выдохнуть –
К лучшему всё что ни есть.

Надо б нежнее, внимательней,
То, что имеешь, храни.
Может быть, старенькой матери
Это последние дни...

Держат тебя в равновесии
Слово сакральное «Дом»
И сокровенность поэзии,
Дышащей в сердце твоём.

* * *

И пусть, что пора декаданса
И жизни всего ничего –
У осени больше нюансов
И глубже её естество.

Любовь ли, второе дыхание
Способны обжечь красотой.
Зелёный прошёл испытанье
И в ранг возведён золотой.

Весь город в осенней виньетке.
Прочертят в пространстве дугу
Листок, оторвавшийся с ветки,
И слово, слетевшее с губ.

Да будет полёт ваш высокий!
И смотрит сорочий народ,
Как женщина в синей джинсовке
Кленовое сердце несёт.

Ноябрь

Зелено, оранжево, черно,
Слякоть, а назавтра снегобуря...
Месяц, начинающийся с «но»,
Противоречивый по натуре.

50

Осенняя элегия

Вышел я родом из леса,
из-под пера топора.
Чувствую тяжесть железа, –
так в ожиданье пореза
отвердевает кора

и раскрываются поры
свет предпоследний приять.
Солнце косого пробора,
прямолинейность укора,
страха невнятная прядь.

Я сокращён до предела,
сжат до астрального тела,
я на прожилках распят.
В час, как рябина зардела,
небо уходит назад.

Даром сбиваются в стаи
братья мои, отлетая,
даром дрожат на ветру, –
каждого перелистает
та, что красна на миру.

Что там осталось? Полешки,
в беличьих дуплах орешки,
исповедь кроткой воды
и у рождественской вешки
окрик зелёной звезды.

Нежному Нижнему — из Казани

Скоро зима. Я давно безнадёжнейший мистик:
Всё превратится в золу и рассыплется в прах.
Снег с аппетитом глотает зелёные листья —
Те, что ещё не успели увянуть в садах.

Но ведь и я ничего рассказать не успела —
Осень в своей кочегарке поэзы сожгла...
Жёлтый, зелёный и красный венчаются белым,
Господи, как же корона твоя тяжела.

Пухнет земля, прирастая опавшей печалью —
Плотью и кровью кленовой, костями ветвей.
Всё породнится с подземною речкой Почайной
И обернётся ночью Покровкой твоей.

Мир, златоустым и трепетным некогда слывший,
Сжался сегодня до вороха жалких листов...
Колокол нашей Варваринской будто бы слышал
Нижегородской Варварской потерянный вздох...

* * *

Даже отчаянно серый
Солнцем октябрьским любим.
Как же осеннему сердцу
Хочется быть молодым.

Щуришься, будто спросонья.
Где ты? Везде и нигде.
Зеркало тронешь ладонью —
Лист поплывёт по воде.

Красный, охряный, зелёный
Так хороши на просвет.
Шествует день просветлённый,
Стелется по небу след.

Дни, заплетаясь в недели,
Не успевают за мной.
Девочка на карусели
Шар раскрутила земной.

Литературный фестиваль

А вы на празднике бывали –
Литературном фестивале?
Музей Аксёнова, Казань.
Московский гость в рубашке белой –
Чигрин – из книги свежеспелой
Стихами щедро сыплет в зал

(Его акустика прекрасна),
И слово мастеру подвластно,
Что хочет он творит с душой.
Выходят и волнуют фибры
Поэты разного калибра.
Аншлаг в музее. Хорошо!

Седую взмахивая гривой
И оседлав рояль игриво,
Гремит Трескин – душа, дрожи!
Пока с Казанью спорит Прага
За голос оперного мага,
Высокий дух искусства жив!

Достать его хватило б роста.
За дверь – порция морозца.
Трусой спешит по делу кот.
И вечер высветляет лица,
И снег – как чистая страница,
И близок новый Новый год.

